

От дефицита товаров — к дефициту прагматизма?

Более двадцати лет Россия пытается найти свой путь и свое место в современном экономическом процессе. Один из уроков, который получила страна (заплатив непомерную цену), состоит в том, что и плановая экономика в ее «чистом», доведенном до абсурда виде всеобщей координации и определения и балансирования всего и вся, и экономика, основанная на принципах полной свободы действий экономических субъектов, — это абстракции, которые имеют мало общего с реальной действительностью. Экономика многомерна и многоаспектна, в ней есть место процессам, основанным как на действии «невидимой» руки рынка, так и «видимой» руки общества (государства). Более того, рыночные процессы обмена товарами и услугами, основанные на свободе выбора экономических агентов — как покупателей, так и продавцов, просто не могут функционировать без регулирования со стороны государства.

К сожалению, в России можно найти превеликое множество примеров того, к чему привели наивные надежды на немедленное появление «эффективных собственников» и «безболезненный переход» от плана к квазирыночной анархии. Особую печаль и боль вызывают «мертвые» заводы и разрушенные производственно-технологические комплексы и цепочки, многие из которых могли быть адаптированы к изменившимся экономическим условиям.

Один из примеров такого поспешного и недальновидного подхода — практически полное исчезновение с «экономической карты» России промышленности по получению редкоземельных элементов и изделий на их основе. В СССР фрагменты данной отрасли в основном создавались исходя из парадигмы самообеспечения экономики всем необходимым (прежде всего, на случай «мобилизационной ситуации»), а также из вполне очевидных соображений получения большей отдачи от комплексных по составу руд и источников сырья.

Ситуация за прошедшие годы коренным образом изменилась — в мире бурно развиваются новые технологии и технологические системы, и в них широко используются те самые редкоземельные элементы, которые раньше осваивались по неэкономическим или мало экономически оправданным соображениям.

В итоге в стране, по мнению академика Н.П. Похиленко с соавторами, наблюдается системный дефицит редкоземельных металлов (РЗМ), который к тому же будет усугубляться.

За эти годы изменилась и роль РЗМ в современных технологических и экономических процессах. Тот, кто развивает сначала добычу, затем — получение комплексного концентрата, отдельных элементов, а на следующей

стадии – уже и изделий на их основе, получил шанс не только идти в ногу со временем, но и опережать его. Прямое подтверждение – та «игра на опережение», которую блестяще провел Китай (статья Н.Ю. Самсонова и И.Н. Семягина). В Китае фактически происходит взаимозамена различных факторов роста – стремительное увеличение стоимости труда компенсируется относительно низкой стоимостью сырья и продуктов на его основе. Тем самым обеспечивается конкурентоспособность современной наукоемкой продукции, в производстве которой редкоземельные элементы (РЗЭ) играют все более значительную роль, сводятся к минимуму другие экономические и территориальные ограничения.

РЗЭ позволяют (см. № 11 «ЭКО» за 2012 г.) преодолевать даже извечное «проклятие пространства». Компактность продукции – добыча и потребление во всем мире исчисляются сотнями тысяч тонн, а по отдельным видам РЗЭ – тоннами и сотнями килограммов, высокая цена отдельных элементов и концентратов для их получения – все это позволяет нивелировать «фактор пространства» и выстраивать протяженные (и технологически, и территориально) схемы их переработки и последующего использования при изготовлении конечной наукоемкой продукции. Об этом блестяще и заинтересованно сказано в интервью заслуженного геолога Республики Саха (Якутия), одного из первооткрывателей Томторского месторождения А.В. Толстова.

Реализация того шанса, который дает России наличие уникальных и значительных по объему ресурсов источников РЗЭ, требует нестандартных решений и подходов. К сожалению, как следует из материалов конференции по переработке РЗЭ в России (она состоялась в г. Томске на базе Северского ГХК в 2013 г. – см. материал Э.Ш. Веселовой и Н.Ю. Самсонова), наблюдается явный дефицит подходов к тому, как и за счет каких источников можно решать данную проблему. Представители науки, бизнеса и государственного сектора (который довольно трудно назвать бизнесом, так как те, кто им занимается, не несут главную ношу любого предпринимателя – не принимают на себя в полной мере риски реализации задуманного) – единодушны во мнении: нужны «государственная программа» и «необходимое государственное финансирование». Так, «Росатом» находится в раздумьях по поводу того, насколько полной должна быть технологическая схема – от получения редкоземельных элементов и до готовых изделий, и как эту схему «инкорпорировать» в еще одну государственную вертикально-интегрированную компанию. Логика рассуждений прежняя – поскольку среди РЗЭ есть радиоактивные (получение которых – стратегически важная деятельность), то заниматься этим должны лишь компании с государственным участием.

На наш взгляд, обязательным условием является не столько государственный статус компании, сколько разработка прагматичных и работоспособных правил и процедур, обеспечивающих наибольшую отдачу для России от

освоения таких уникальных объектов, как Томторское, Чуктуконское месторождения и т.д. Опыт и Китая и Казахстана, увеличившего производство концентратов, содержащих РЗЭ, за истекшие 20 лет почти в 30 раз, свидетельствует об очень гибком и избирательном применении различных мер и подходов к реализации подобных проектов. Среди них государственное прямое участие занимает определенное, но далеко не главное место. Активно используются возможности привлечения иностранного капитала, меры налогового и таможенного регулирования, рычаги научно-технической политики.

Каждый объект РЗЭ уникален не только в геологическом отношении, но и с точки зрения технологии обогащения и использования при производстве готовых изделий (учет эффекта комплексирования различных РЗЭ в рудах). Поэтому для «жизни» каждого проекта требуется не только научно-техническое обоснование, но и сопровождение – постоянное уточнение и развитие имеющихся и возникающих подходов для наилучшего использования потенциала месторождения.

Такое понимание требует отхода от стандартных и примитивных процедур предоставления прав на пользование недрами – добыть определенные объемы и выполнить определенные виды работ. В лицензиях и контрактах (пакетах документов, их детализирующих) давно пора полно и обстоятельно прописывать процесс научно-технического сопровождения освоения месторождений полезных ископаемых, а также привлечения к выполнению подрядных работ и услуг отечественных, в том числе региональных подрядчиков (Минпромторг почему-то подготовил проект документа по локализации российского участия лишь для проектов, реализуемых на шельфе).

В настоящее время академическая наука встраивается в современные экономические процессы в рамках реформы РАН. Почему бы в число ее экспертных и методических функций не включить участие в научно-техническом сопровождении проектов освоения минерально-сырьевых ресурсов России? Это позволит не только повысить уровень подготовки проектов освоения полезных ископаемых (включая РЗЭ), но также обеспечить накопление знаний, их сохранение и приумножение в рамках РАН. Близкий подход реализован в Норвегии, Китае, в какой-то мере – в Казахстане и других странах, которые исходят не из мифологизированных представлений о роли государства в экономике, а из необходимости получения отдачи с позиций реального экономического роста и улучшения жизни населения.